

Октябрь одного мальчика

Эссе Цая Гоцяна

Сценарий «Октября» – проекта дневного перформанса с фейерверками к

100-летию юбилею революции 1917 года в России

Предполагаемое место проведения: Красная площадь, Москва

Предполагаемое время: 9 сентября 2017, 13:00

Глава I

Ясное небо. Над Красной площадью разносится гул нетерпеливо ожидающей представления публики.

Струнный оркестр и фортепьяно исполняют «Октябрь» Чайковского: из громкоговорителей тихо звучит «Осенняя песнь».

Раздаются залпы фейерверков. Похожие на березовые стволы столбы белого дыма поднимаются со стороны набережной Москвы-реки и Васильевского спуска.

Клубы желтого дыма вздымаются в небо, раскрываясь как золотые осенние листья. Постепенно желтый переходит в оранжевый, затем в красный, заполняя все небо.

Красная листва медленно опадает, становясь все плотнее и плотнее.

Белые березовые стволы продолжают прорастать из земли по всей набережной, превращаясь в березовую рощу.

В небе, издавая треск, распускаются разноцветные лепестки цветов и падают на землю.

Короткая пауза. Вдруг в небо взлетают две сигнальные ракеты. Как две слезы, они медленно опускаются вниз. Звуки фейерверка становятся похожими на громкий плач.

Слез становится все больше, и они льются с небес белым водопадом.

На горизонте одновременно поднимаются столбы черного

дыма. Оглушительные черные взрывы в небе обрушиваются вниз, превращаясь в обильный водопад...

За черным занавесом мерцают красные звезды. В это время звучащая мелодия достигает апогея. Маленьких звезд становится все больше, и небо постепенно заполняется их красным водопадом...

Глава I дневного перформанса должна передавать ощущения мощи и безусловной любви, которые земля дарует своему народу, а также глубокую привязанность человека к природе. На этой великой земле люди отправляются на поиски прекрасных мечтаний, но все же не могут избежать ужасов и беспокойства, они страшатся непредсказуемости. Одна за другой их накрывают волны превратностей жизни с ее радостными и горестными моментами. Прилив сотни противоречивых эмоций.

Э. Гоцяна 2017

Проект дневного пиротехнического спектакля «Октябрь» на Красной площади Цая Гоцяна. Эскиз, 2017

Мальчик и искусство

Русским людям сложно представить, – а мне сложно объяснить, – насколько велико было влияние русской культуры на меня в детстве, когда я жил в маленьком городке на юго-восточном побережье Китая. От романов и поэзии до музыки и баллад – русское влияние было значительным и разнообразным. Для начала остановлюсь на русском изобразительном искусстве.

Цай Гоцян в своей студии. На стене – вырезка из журнала с изображением картины Исаака Левитана «У омута». Цюаньчжоу, 1979.

Я провел бесчисленные часы, сидя перед гипсовыми моделями, исследуя пошаговую систему зарисовок, разработанную Павлом Петровичем Чистяковым, и пытаюсь вникнуть в его метод комплексного наблюдения и постепенного построения форм. Изучая низкокачественные репродукции в журналах, я копировал горделивую девушку с картины «Неизвестная» Ивана Крамского. Когда я дарил эти копии своим друзьям или родственникам, они всегда принимали их с большим восторгом. Я побывал на бесконечном количестве деревенских прудов, надеясь найти место, подобное тому, что написал Исаак Левитан в картине «У омута». Я изображал на холстах рябь на водной поверхности в сумерках. Мое сердце наполнялось ужасом и одиночеством, когда я представлял себе, что кто-то мог утонуть в этом пруду. Еще меня очень занимали решительные мазки Бориса Иогансона и его смелое использование серой и «грязной» палитры, хотя я очень старался не обращать внимания на то, что его произведения были о Революции. В своей работе «Портрет невесты» я попытался изобразить свою будущую жену Хун Хун-у в стиле Евсея Моисеенко, подражая его тонкой кубистической манере и умению утрировать подсветку на заднем

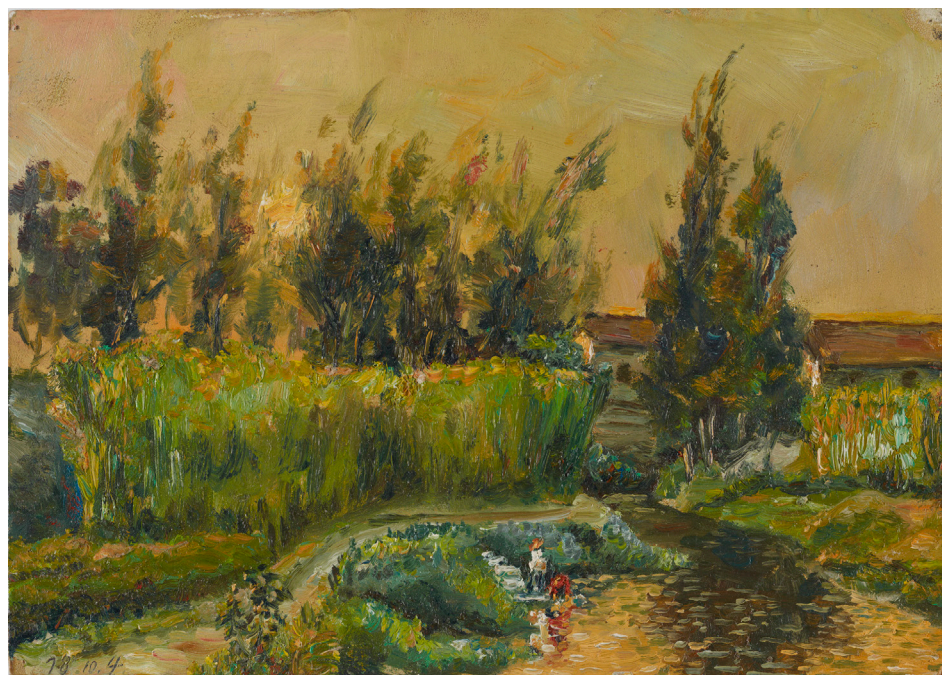
и нижнем плане... как же прелестна его работа «Черешня». Позднее я часто думал о том, как люди с огромным талантом, попавшие в круговорот беспокойных времен, достигали немногим большего, нежели создание поверхностных вариаций на тему модернизма. Как должно было быть сложно вести такую посредственную и угодническую жизнь!

В картине Аркадия Пластова «Фашист пролетел», репродукцию которой часто публиковали в китайских журналах, пейзаж с небольшим лесом и широкими долинами написан с восхитительным мастерством, а рядом с телом молодого пастушка видна маленькая собачка, яростно лающая на исчезающий вдали самолет.

В то же время Александр Лактионов в работе «Письмо с фронта» продемонстрировал импрессионистский подход, создав почти ослепляющую подсветку заднего плана, а также проявив, можно сказать, живописный пыл в изображении детей, читающих вести от отца.

Это были картины из маленькой книжки, по которой Мальчик учился рисовать. Каждая картина была домом, в который Мальчик снова и снова приходил в своих мечтаниях. В то же время вне мира живописи судьбы советских художников стали для Мальчика ранним прозрением.

Какой неохватной казалась тогда русская культура нам, китайцам! Настолько обширной, что для нас она была истинным выражением иностранной культуры, истинным выражением Запада для Востока. Вне категории китайской живописи западная живопись равнялась русской живописи. И хотя после ухудшения отношений между СССР и Китаем слово «Россия» внезапно исчезло из культурной жизни китайского народа, русская культура оставалась прочной основой, питавшей умы «культурной молодежи». Длительное время Мальчик ожидал прихода нового Запада.

Цай Гоцян «Закат на берегу реки». Около 1970. Картон, масло.

Наконец в Китае начались реформы, и страна стала более открытой миру. Внезапно все – от импрессионизма до новейшего искусства – хлынуло в Китай. В мыслях Мальчика западные мастера внезапно подчинили себе всю мировую историю искусства. Моне, Сезанн, Пикассо, Дюшан, Уорхол, Бойс... все они одновременно начали давать Мальчику уроки мастерства! Илья Репин, Василий Суриков и Исаак Левитан быстро превратились в подобия учителей начальной школы: они были так близки и дороги сердцу, но существовали где-то далеко на задворках памяти.

В то же время у Мальчика родилось смутное интуитивное ощущение, что мир – мир Запада

– в какой-то степени несправедлив по отношению к его бывшим учителям. Они также были великими художниками, они также стремились показать свет и цвет и рано разожгли в нем страсть к абстракции, не говоря уже о супрематизме...

Так что же все-таки случилось с учителями Мальчика, этими невероятно талантливыми революционными героями-наставниками, попавшими в жернова жестокой истории? Говорят, что сложности и испытания рождают искусство, живущее в веках. Если это так и даже в царские времена рождались художники, чье живущее в веках искусство оказало влияние на весь мир, то что насчет художников последующих эпох? Все эти творческие умы в конце концов сочинили «мотив судьбы», не оставив в истории искусства ни одной работы, живущей в веках. Этот мотив звучит несмолкающим реквиемом в сердце Мальчика.

Я всегда находил авангардные эксперименты Казимира Малевича волнующими: это похоже на дух, свергающий прошлое и конструирующий оригинальное, утонченное искусство, скрывая, однако, глубоко внутри образы русского православия. Мое сердце было также наполнено болью за него – человека, через силу заставлявшего себя строить отношения с новым обществом, занимавшегося непрерывными изменениями ради слияния со средой и с эпохой «акклиматизации». «Скачет красная конница», «Урожай»... его уязвимость и непостоянство, рожденные из столкновений с собственной судьбой, – это реальность нашей земной жизни, также являющейся реальностью искусства и художника. Благодаря этому его работы становятся еще более сильными и поразительными.

Глава II (2 мин. 00 сек.)

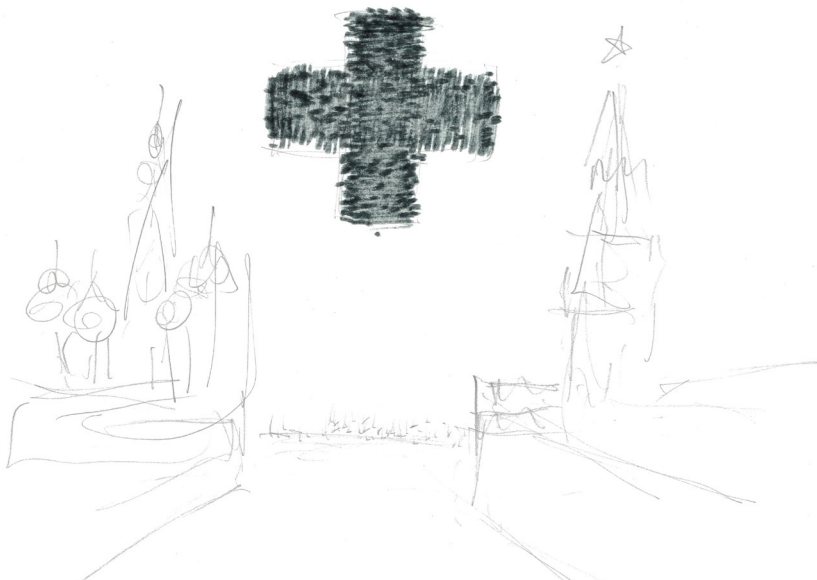
Без музыкального аккомпанемента.
Композиция из семи сцен

1. Серии хлопков раздаются на земле. Затем один за одним запускаются тысячи зарядов с встроенными компьютерными чипами. Короткая тревожная пауза. Гигантская красная звезда, громко взрываясь, раскрывается в небе, вторя красным звездам на башнях Кремля. Символ утопических и авторитарных мечтаний. Торжественный образ.

2. Дым от красной звезды рассеивается. Сразу вслед за этим еще одна серия залпов-хлопков превращается в «Черный квадрат» Малевича.

3. Волна звуков от срабатывания снарядов. Появляется «Черный крест» Малевича.

4. Вслед за этим появляется «Черный круг», замыкая трилогию. Более ста лет назад эти революционные изображения открыли новую эпоху в истории искусства. Возникнув сегодня в голубом небе, они стали оммажем поколениям русских интеллигентов, оставшихся за рамками сегодняшнего высказывания, несмотря на то что они тоже жили во времена утопии и диктатуры.

Проект дневного пиротехнического спектакля «Октябрь» на Красной площади Цая Гоцяна. Эскиз, 2016

5. Когда черный дым постепенно рассеивается, в небе появляется белый венок.

6. Фейерверки синего цвета складываются в восклицание «УРА!», едва различимое на фоне синего неба.

7. Глава II завершается радугой, появляющейся в синем дыму. Она мерцает, словно мираж, то появляясь, то вновь исчезая, оставляя чувство надежды и ощущение несбывшейся мечты.

Мальчик и революция

1. Цюаньчжоу

Входя в класс в первый день учебы в начальной школе, я увидел портрет «отца нации», Председателя Мао, висящий по центру стены. С одной стороны от него висели портреты Маркса и Энгельса с длинными бородами, а с другой – Ленина с короткой и Сталина с усами. Эти западные персонажи впоследствии будут сопровождать меня на протяжении всех лет моего обучения. Начался урок. В класс вошла учительница – одетая в юбку молодая девушка с очень светлой кожей и с волосами, завитыми перманентной завивкой. Она написала на доске свое имя: Цай Мэйчжу. Я сразу почувствовал, что нас многое связывает. Я учился в школе при местном педагогическом колледже, студенты которого, хорошо зарекомендовавшие себя во время учебы, могли затем стать преподавателями этой школы. У нее была такая же фамилия как у меня¹, и более того, она была хорошенькой. У Мальчика появился еще более мощный стимул к учебе.

В классе начальной школы. Китай

Еще один день, еще одно утро.

Она зашла в класс. Обычно я выкрикивал: «Всем встать!», – и все вставали, и она говорила: «Доброе утро, класс!», – на что мы хором отвечали: «Доброе утро, госпожа Цай». Но в тот день мы все сговорились не вставать и не приветствовать ее. Она посмотрела на нас и, не говоря ни слова, повернулась к доске и взяла кусочек мела. «Тема нашего урока сегодня...»

Мы начали стучать по партам, шум становился все сильнее и сильнее. Госпожа Цай повернулась к нам. Ее лицо смертельно побледнело. Она взмолилась: «Класс, эти парты – собственность государства. Мы должны обращаться с ними осторожно!» Я был старостой, встал и прокричал: «Что? Вы сказали, что эти парты принадлежат вашей семье?»². Она быстро исправилась: «Я сказала, они принадлежат “стране”». Но мы с одноклассниками продолжали кричать: «Она сказала, это парты ее семьи!», – скандируя во весь голос: «Долой Цай Мэйчжу!»... Я помню выражение ее лица, когда она пыталась сдержать слезы, ее охрипший голос... Мы подговорили старших учеников и сговорились устроить ей «урок борьбы»³ на следующий день, но она больше не вернулась в школу. Мы хотели найти ее домашний адрес и узнали, что она была из семьи военного, но нам так и не удалось разузнать, в каком именно из районов для семей военных она проживала⁴. После того дня госпожу Цай мы так никогда и не видели.

Как и я, другие дети, возможно, осознавали, что она не сказала ничего предосудительного, а просто показалась нам самым подходящим человеком, чтобы «восстать» против него. Мальчик ранил свою учительницу и навсегда оттолкнул ее. И хотя это поселило тревогу и непростые чувства в его сердце, он быстро забыл обо всем, оказавшись в вихре и хаосе «культурной революции». Много лет спустя, он вдруг осознал, что в конце концов на самом деле так никогда и не смог забыть этот случай и даже отчетливо помнил удаляющийся силуэт госпожи Цай, когда она покидала класс... На сердце Мальчика есть шрамы.

После этого мы разбили все окна в школьных зданиях и приклеили знаки «Не входить» на двери библиотеки. Школа временно закрылась из-за разгоревшейся «культурной революции», и мы сформировали организацию «маленьких красногвардейцев». Я даже был лидером группы пикетчиков и «Команды пропаганды идей Мао Цзэдуна». Я рисовал пропагандистские плакаты, выполнял поступавшие указания бить в кастрюли и барабаны во время уличных демонстраций и упивался восторгом, когда мы шагали посреди улицы, как повелители мира. В это время мы с одноклассниками посменно охраняли школьные здания, которые до этого повредили, – мы опасались, что наши классовые враги испортят «плоды» нашей «революции».

Некоторое время спустя я начал скучать по чтению. Я пролез через ставни над дверями библиотеки, на которых все еще висел знак «Не входить», и украл книги из своей школы.

В то время, когда из-за революции были закрыты школы, дети свободно бегали по улицам, как одичалые. Прерывание образовательного процесса привело к появлению непослушного поколения. «Культурная революция» вселила в меня недоверие к власти и установленному порядку. Постулат «цао фань ю ли»⁵ и жестокая борьба сохраняли некоторое влияние на мою последующую работу. Поскольку мне не надо было ходить в школу, у меня было огромное количество свободного времени и я мог делать все, что мне вздумается: рыбачить, купаться, заниматься боксом, писать стихи, читать запрещенные книги, спрятанные у нас дома. В этом молодом возрасте из туманных описаний «Сна в красном тереме»⁶ я черпал знания о женщинах и сексе, а из «Ши Цзи»⁷ – о том, что время огромно, а я лишь мельчайшая песчинка в бесконечности истории.

Мой отец когда-то был управляющим антикварным книжным магазином. Он никогда не приносил домой зарплату, а тратил деньги на книги. Мы даже не могли представить, что революция доведет нас до того, что в какой-то момент я буду помогать ему эти книги сжигать. Он был осмотрительным человеком и, опасаясь, что кто-нибудь увидит дым над нашим двором среди бела дня, действовал только в ночное время. Мы жгли наши книги три ночи подряд, отрывая по несколько страниц зараз.

После «культурной революции» я узнал, что отец все-таки спрятал несколько редких классических китайских изданий в деревне, включая фолиант времен империи Сун с зарисовками надписи на стеле пагоды Дуобао, которые выполнил Янь Чжэньцин⁸. Загнутые страницы с зарисовками были сплошь исписаны отцовским почерком. Он переписал туда стихи Мао Цзэдуна, чтобы красногвардейцы (хунвейбины) не осмелились уничтожить книги, даже если бы нашли их.

Отец состоял в рядах Коммунистической партии. Сталкиваясь с бедностью и нестабильностью в обществе, люди часто начинают испытывать сомнения. Эти сомнения бывают двух типов: либо в социалистических идеалах и в самой социалистической системе, либо – в правомерности действий правительства и в проводимой им политике. Отец до самой смерти не сомневался, что идеал коммунизма состоял в стремлении человечества к лучшему общественному строю. После проведения реформ и начала осуществления более открытой миру

Коллекция каллиграфии Яня Чжэньцина с каллиграфией отца Цая Гоцяна – Цая Жуйцина из поэмы Мао Цзэдуна, на оборотной стороне.

политики мы стали свидетелями приватизации земли, притока иностранных инвестиций и растущего неравенства между богатыми и бедными. Глядя на все эти изменения, отец видел лишь отрицательные стороны, выражая праведное негодование.

Мальчик отличался от своего отца. С большим энтузиазмом участвуя в революции, он также сопровождал бабушку и мать, когда они тайком посещали местные храмы, молились там и жгли благовония. В дни религиозных праздников чиновники из Комитета жителей устраивали обходы с инспекциями, а я помогал прятать плетеные корзины с подношениями богам, спускать их в колодезь и накрывать его крышкой. Я также ходил с бабушкой и матерью в предрассветные походы к горному храму, несмотря на то что сам храм был давно разрушен до

основания. Нам также приходилось скрывать от отца, что блюда, которыми мы питались, до этого были использованы в качестве подношений богам – он бы не прикоснулся к ним, если бы узнал.

Вообще-то, будучи Мальчиком Революции, я делал и более секретные вещи: часто прятался под одеялом с маленьким радио и тайком ловил сигналы вражеских станций в ночной тишине. Я жил в местечке у городского рва, а сразу за рвом было поле с десятками радиоантенн, каждая высотой более 20 метров. Мы называли их «станциями помех» – они служили для создания помех сигналам вражеских станций, в особенности находящимся через пролив тайваньских и цзиньмэньских. Мне всегда хватало терпения обнаружить эти голоса с противоположного берега и из далекого мира в бесконечном статическом потрескивании. Наше вещание для Тайваня вел диктор со строгим и грозным голосом: «Вы слушаете главную фуцзяньскую станцию Освободительной армии Китайской Народной Республики, в эфире вещание для наших тайваньских соотечественников!..»

В то же время, когда я слышал мягкий женский голос на радиостанции противника: «Добрый вечер, наши дорогие соотечественники с материковой части Китая», – меня постоянно наполняло приятное чувство, будто я набрал полные легкие свежего воздуха. Я не могу забыть звучание советской радиостанции: спокойную мелодию «Подмосковных вечеров», играющую где-то на заднем плане, и голос диктора, говорящего на идеальном мандаринском китайском: «Это международный эфир Радио Москвы для наших китайских слушателей!..» В этот окрашенный в красный цвет период без букетов и женщин советский эстрадный певец пел: «Что ж ты, милая, смотришь искоса, Низко голову наклоня...» – социалистическая мелодия стала единственной песней о любви, доступной для китайской молодежи.

2. Шанхай

Настало время учебы в колледже. Моим наставником был Чжоу Бэньи, заведующий кафедрой сценографии в Шанхайской театральной академии. Еще до того как я поступил к нему учиться, я знал, что он был выпускником Академии художеств имени Репина. В первый день занятий рукава его белой рубашки были абсолютно чистыми – даже один этот факт указывал на то, что он получил абсолютно другое культурное воспитание. В то время, в 1980-х китайцы в основном одевались очень неряшливо, меняли рубашки раз в несколько дней и обычно носили темное, чтобы грязь было не так видно. Когда он пригласил нас в свой дом, я был настолько же полон восторга, увидев его картины, написанные маслом в советских учебных мастерских, насколько я бы восторгался, увидев подлинные полотна Серова или Репина. Когда он рассказал нам, что однажды провел целое лето, делая зарисовки на берегах Волги, у меня закружилась голова от рождающихся в воображении сцен с бурлаками. Я представил себе профессора Чжоу пишущим картину у реки, совсем как Репин. К наступлению его второго лета в СССР государственные чиновники приказали профессору вернуться домой, взволновавшись по поводу его отношений с советской девушкой. Эти чиновники организовали бал и пригласили туда медсестер из Военно-морского флота, велел одной из девушек станцевать с профессором, а позднее даже устроив его свадьбу с одной из медсестер. Они все еще женаты. Когда мы говорили о его прошлом, нас всех накрыло волной воспоминаний.

Учитель Цай Чжоу Баньи в классе рисования с натуры в Академии художеств имени И.Е. Репина. Около 1955 - 1960

В Шанхае 1980-х годов профессор Чжоу был единственным художником, которого государство отправило на учебу в СССР. Но к тому моменту, как мы с ним познакомились, он уже нечасто рассказывал о проведенном там времени. Он обучил нас работать гуашью, создавая пейзажи «в стиле Чжоу» – более прозрачные на участках темного цвета и более плотные на участках светлого – с использованием квадратных кистей, формируя объемы зданий и лодок, океанов и облаков с помощью мазков. Он обучил нас приему рисования на ярко-белых ДСП: смешение на белом фоне зеленого цвета лайма с лимонно-желтым делало эти цвета

Цай Гоцян «Бухта»,
1983ю Бумага, гуашь

необычайно яркими и сочными, будто пропускающими свет. Добавив светлый слой серого поверх желтого, можно было сделать цвет еще более ослепляющим – так что приходилось прищуривать глаза, чтобы на него посмотреть! Я не знаю, насколько этот прием был его собственным изобретением и насколько – уроком, вынесенным из Репинской академии, но он точно оказал влияние на большое количество китайских пейзажистов или сценографов.

В том, что касается творческих инноваций в сценографии, казалось, что Чжоу устал от советской эстетики. Это, вероятно, происходило около 1980 года? Он уехал в путешествие по Америке, и мне повезло быть одним из первых учеников, с которыми он экспериментировал в области преподавания современного искусства. Он просил нас искать концептуальное вдохновение, слушая музыкальные произведения, смотря фильмы, читая книги или стихи; он называл это «образом мышления», «качеством пространства», «метафорой материального» и так далее. Такое обучение требовало субъективного подхода, что означало, что мы могли начать споры в мастерской. Если сравнивать с «советским стилем», известным в Китае, то в то время он предполагал крепкое реалистическое основание для формальной репрезентации, что, в свою очередь, предполагало более консервативный и менее гибкий подход.

3. Старый Макс

К тому времени, как Мальчик начал серьезно учиться живописи, газеты и журналы перестали упоминать советских учителей. Но в процессе работы было невозможно не упомянуть Константина Максимова и его влияние на искусство Китая. Максимов приехал в Китай в 1955-м и уехал в 1957-м, в год моего рождения. Он преподавал живопись в мастерской в Пекине группе из 24 человек, выбранных среди самых успешных

Слева: Константин Максимов демонстрирует студентам живописную технику. Китай. Около 1955 - 1957

Внизу: Выставка работ К.М. Максимова из собрания Цзя Гоцяна «Максимов: мастер в китайской истории искусства». Китайский художественный музей (бывший Шанхайский). 2002

молодых преподавателей масляной живописи в стране. Эти занятия стали известны как «Ма Сюнь бань» («Учебный класс Максимова»). Председатель Союза художников Китая, У Цожэнь сказал о Максимове: «Собрать вместе и обучить самых лучших и самых одаренных – одна из самых больших радостей в жизни!» Роль Максимова не была ограничена обучением лишь нескольких художников, физически присутствовавших на его занятиях. Старшие мастера из моего родного города, я сам, последующие поколения художников – все мы попали под его влияние, все мы его ученики.

Примерно в то время, когда Максимов вернулся домой, в отношениях между Китаем и СССР наступило охлаждение. Студенты «Учебного класса Максимова» построили успешные карьеры в различных художественных академиях, некоторые даже были председателями Союза художников Китая. Однажды, ближе к концу 1999 года, на одной из улиц в Амстердаме я наткнулся на написанный маслом портрет и сразу понял, что это работа именно Старого Макса! Я собрал около 260 его произведений; кроме того, его семья подарила мне несколько принадлежавших ему палитр, коробок с красками и мольбертов, а также архивные материалы – фотографии из поездки в Китай, которые он хранил.

В 2002 году я привез эту коллекцию в Центральную академию изящных искусств в Пекине (CAFA), где преподавал Максимов, чтобы выставить ее в Музее Академии искусств, где прошла его прощальная выставка. Поначалу его бывшие ученики, которые в то время преподавали в CAFA, волновались, что я просто использую эти материалы как концептуальное произведение искусства, но, когда они тайком приходили посмотреть на монтаж выставки, они были очень тронуты. Я воспользовался возможностью и пригласил участников «Учебного класса Максимова» со всей страны посетить симпозиум. Эти люди, которым было уже около 60 лет, пережившие политические потрясения и с тех пор создавшие себе имя, впервые со дня выпуска из класса вновь собрались вместе. Когда я видел, как они скорбят по своему ушедшему учителю и храбро восхваляют достижения и наследия Старого Макса, мои глаза наполнялись слезами. Сколько поколений китайских и советских художников были пленниками своего времени! Какое смешение горечи и благодарности они, должно быть, чувствовали в отношении политики. Такова их судьба!

В 2009 году вместе с женой и детьми я посетил одно из кладбищ Москвы в надежде найти могилу Максимова. Смотритель кладбища перелистал несколько томов книги записей, но так и не смог ничего найти. Я хотел попытаться удачи, – может быть, какая-то невиданная сила привела бы меня к Старому Максиму. Кладбище было поистине огромным! Повсюду были люди, оплакивающие потерю близких. В какой-то момент мы увидели старика, прикурившего три сигареты, – две из них он поставил на могилы сыновей, а третью выкурил сам. В тот вечер мы всей семьей простудились, и у обоих детей был жар – Вэньхао было только шесть лет. Это кладбище было слишком холодным местом, и живым не стоило там задерживаться.

В период, когда Максимов был в Китае, многих китайских студентов, как Чжоу Бэньи, отправляли на учебу в Академию художеств имени Репина. В прошлом июне в Санкт-Петербурге я познакомился с Верой, молодым куратором, внучкой профессора репинской Академии. Она рассказала мне, что, когда навещает могилу бабушки и видит на ней свежие цветы, то знает – к нему приезжал один из его китайских учеников.

Глава III (2 мин. 30 сек.)

Вновь звучат рефрен и кода «Осенней песни» из «Октября».

Небо заполняют желтые листья, вторя Главе I, затем, становясь все плотнее, опускаются водопадом желтого дыма. В водопаде поблескивают ярко-красные огоньки. Осень вернулась!

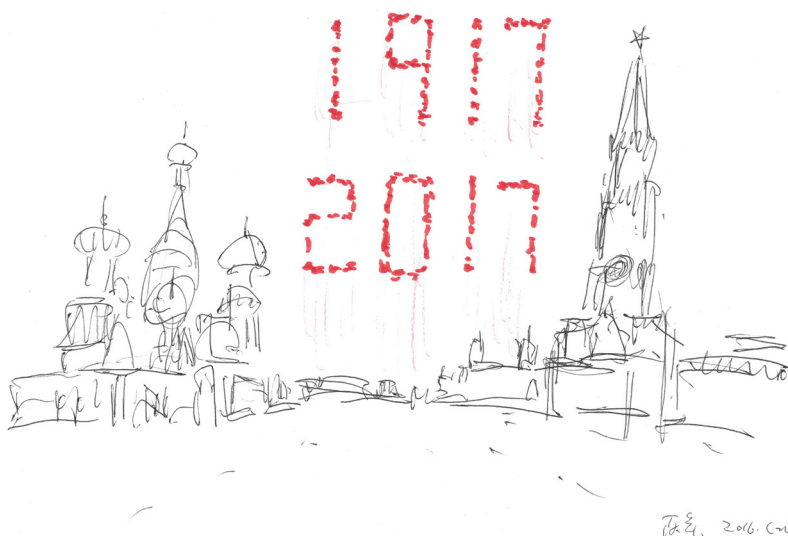
Красные вспышки превращаются в серебряные. Они мерцают в дневном свете, как звезды на синем небе...

Серебряные искры предвещают приближающийся апогей: 100 секунд чистых торжественных хлопков снарядов в воздухе.

Эти звуки – символ пути, шагов, которые не остановить. Между звуками взрывов и пронзительной музыкой Чайковского создается напряжение, знаменующее кульминацию сменяющихся и переплетающихся эмоций – горестей и радостей жизни.

Звуки срабатывания снарядов навечно отпечатываются в пространственно-временной оболочке города, навсегда оставаясь в сознании тех, кто присутствует на этом событии.

Это посвящение могущественной земле и ее героическому народу, его страданиям и славе. Звуки залпов говорят громче любых речей.

Проект дневного пиротехнического спектакля «Октябрь» на Красной площади Ця Гоцяна. Эскиз, 2016

Тысяча фейерверков одновременно взмывают в небо. Они передают силу миллиона солдат, как мощная волна цунами, одним чистым движением разрезая само время. Внезапно церемония заканчивается.

100 секунд залпов собираются в огромное белое облако над головами, и его медленно уносит ветер...

Мальчик и «Октябрь»

Рассеивается ли прошлое, подобно дыму?

Мальчик сидел на большом заднем сиденье велосипеда, на котором его отец ездил, продавая книги; его тело ныло от езды по ухабистой дороге. Отец отъехал на три километра от города, чтобы показать Мальчику, как солдаты Освободительной Армии высекают портрет Председателя Мао в массивной скале. Чтобы точно воспроизвести портрет такого размера, кто-то должен был находиться на расстоянии и издалека координировать всю операцию по рации. Поговаривали, что при создании портрета три солдата упали и разбились насмерть – это были почетные жертвы. Мальчику было около десяти лет, это была его первая встреча с ленд-артом. Портрет Мао так никогда и не был завершен – вскоре выяснилось, что дикие животные гадили на портрет, что было оскорблением вождю. Кроме того, существовали опасения, что портрет станет мишенью для базирующейся через пролив тайваньской армии.

Когда я выбрал в качестве темы моей персональной выставки в ГМИИ им. А.С. Пушкина размышления о 100-летнем юбилее Октябрьской революции, этот портрет Мао всплыл в моей памяти. Используя возможности, открывшиеся передо мной в связи с юбилеем, я решил вновь посетить давно заброшенный портрет, высеченный в камне, и сохранить изображение, используя традиционную технику притирания тушью, в то же время пробудить свои воспоминания о коммунистическом детстве. Нашей команде пришлось идти через темный лес, обрубая шипы растений и спасаясь от змей. Мы спустились со скалы по веревкам и, промокнув отрезки холста тканью, пропитанной черной тушью, сумели создать отпечаток профиля Мао Цзэдуна размером примерно 50 на 50 метров.

Век, прошедший после Октябрьской революции, был также веком следования за мечтой для миллиардов обычных людей, включая Мальчика и его семью. Поэтому, помня это время, в рамках выставки я возвращаюсь и к собственным переживаниям и эмоциональному пути. Я говорю об этом периоде истории не как сторонний наблюдатель. На протяжении всего процесса создания этой выставки я работал над совершенствованием познания себя, понимания Китая, России и всего человечества. Сто лет назад эта Революция зародилась с идеалами борьбы за лучший общественный строй и лучшую жизнь. Являются ли в конечном итоге эти идеалы ничем иным, как обречением на вечный путь страдания, ведущим в никуда, лишь к утопическому посмешищу, о котором будут сожалеть последующие поколения?

Цай Гоцян. Оттиск (притирание тушью) (50х32 м) портрета Мао Цзэдуна 1968 года. Цюаньчжоу. 2017

Сверху: Цай Гоцян работает над созданием оттиска портрета Мао Цзэдуна. Цюаньчжоу, 2017

Внизу: Цай Гоцян. Оттиск (притирание тушью) (50x32м) портрета Мао Цзэдуна 1968 года. Цюаньчжоу, 2017

Или же сегодня мы все еще ведем борьбу за эти идеалы? Взлеты и падения, которые мы переживаем на пути к глобализации, наши разочарования в стремлении к демократии и свободе...

Масштабная инсталляция «Осень» у входа в Музей создана из сотен старых детских колыбелей, люлек и колясок, переданных в дар жителями Москвы. Из них прорастают тонкие березы, превращаясь в лес на склоне горы. Вместе со сменой сезонов, происходящей за время проведения выставки, золотые листья на березах увядают и падают с ветвей, повествуя о превратностях человеческих судеб. «Осень» напоминает могилу утопической мечты и символизирует истоки индивидуальных мечтаний. Подобно произведениям конструктивизма, эта работа – памятник мечте человечества о лучшем обществе.

Я пригласил около сотни жителей Москвы выступить в качестве волонтеров и помочь мне создать три большие пороховые композиции в каллиграфическом и живописном стиле. «Звук»: шелковое полотно, на котором мы порохом вывели цитату из «Интернационала»: «Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и не герой». Пороховая композиция черного цвета под названием «Река»: многочисленные изображения повседневной жизни русских людей в прошлом столетии. Они созданы при помощи пороховых взрывов, которые делают их похожими на негативы. Вместе они составляют длинную реку ушедших воспоминаний. Цветная пороховая композиция «Сад»: красные маки и

Цай Гоцян. Пять Олимпийских колец. Проект фейерверков для церемонии открытия летних Олимпийских игр. Пекин, 8 августа 2008

гвоздики расположены рядом с советскими пропагандистскими плакатами, воплощающими идеалы прошлого, молодости, народной преданности Родине, героизма... вместе эти изображения, подобные галлюцинациям, составляют утопический сад.

Однажды Мальчику приснилось, как над безлюдной площадью Тяньаньмэнь взрываются фейерверки. На этот раз Мальчик знает, что толпы людей, которые могли бы собраться смотреть фейерверки на Красной площади в сентябре 2017 года, предпочли бы радостные фейерверки в честь празднования 870-летия Москвы тем, что посвящены размышлениям об Октябрьской революции. Красная площадь была свидетельницей слишком многих военных взрывов, виновниками которых в разное время были и Наполеон, и Гитлер. Слишком много военных истребителей с залпами пронеслось над ней каждый год во время парадов. Людям не нужны напоминания о таких тяжелых событиях, ни о таком могуществе и силе. Они не желают, чтобы им напоминали о страдании, им не хочется воспоминаний... Мальчик знает.

Мальчик говорит всем: фейерверки будут проходить под аккомпанемент романтических «Подмосковных вечеров». Вместо этого из громкоговорителей оглушительно громко зазвучит «Октябрь. Осенняя песнь» Чайковского, а затем – взрывы, достаточно громогласные, чтобы свернуть горы и взволновать моря... Мальчик объясняет, что во всем виновата какая-то поломка в компьютере... у Мальчика остаются свои секреты, у него все еще есть свои мечты в этот ясный октябрьский день...

Конец

1 В китайских именах сначала следует фамилия, а потом имя.

2 В мандаринском китайском языке иероглифы в слове «страна» буквально переводятся как «дом нации», что по звучанию похоже на «мой дом» - это выражение, в свою очередь, используется для выражения фразы «моя семья».

3 Форма общественного преследования, бывшая в ходу в период культурной революции – обвиняемого ожидала словесная и иногда даже физическая травля со стороны толпы. Наказание длилось до тех пор, пока он или она не сознавались в различных преступлениях.

4 Районы временного жилья для солдат, их семей и близких.

5 «Восстания всегда оправданы» – часто используемый красногвардейцами (хунвейбинами) слоган.

6 Роман Цао Сюэциня, написанный в XVIII веке. Известен как один из четырех классических романов на китайском языке.

7 Также известен как «Записки Великого историка». Сочинение, работа над которым была завершена около 94 года до нашей эры. Повествует о более чем двух тысячелетиях истории Китая и мира, известного китайцам в период империи Хань.

8 Знаменитая надпись, сделанная в 752 году нашей эры Янь Чженцином, одним из самых знаменитых каллиграфов эпохи Тан.